

Расистский дискурс электронных СМИ как фактор конструирования межэтнических конфликтов

Кугай Александр Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и политологии
Доктор философских наук, профессор
kugay3@yandex.ru

Ковалева Анастасия Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры истории и политологии
aska.kova@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена рассмотрению вопроса участия электронных СМИ в процессе воспроизводства расизма и дискурсивному анализу практик конструирования межэтнического конфликта масс-медиа. Межэтнические конфликты рассматриваются как конструкты, значительную роль в создании которых играют масс-медиа. В российских масс-медиа существуют две конкурирующих модели интерпретации межэтнических конфликтов — одна официально отрицает этническую подоплеку конфликтов (это характерно для государственных СМИ), а другая транслирует противоположную точку зрения, которая заключается в том, что фактически любой конфликт, где сторонами являются представители этнических меньшинств, является, соответственно, межэтническим. Однако такая позиция не всегда верна. Тенденция к эскалации межэтнической напряженности прослеживается во многих отечественных изданиях. Проблема в том, что публикации в гипертрофированной форме акцентируют внимание читателя на этнической принадлежности сторон. При этом события, не связанные с правонарушениями, совершаемыми этническими меньшинствами, зачастую игнорируются. Происходит фиксация на негативных происшествиях. Это служит стереотипизации мышления, способствует восприятию миноритарных групп через призму расистского дискурса с последующей стигматизацией, социальной эксклюзией и т. д. В повседневной риторике российских средств массовой информации используется терминология, относящаяся больше к расистскому дискурсу, чем к гражданско-правовому. Общая направленность публикаций большинства печатных и электронных изданий свидетельствует о дискурсивном конструировании четких образов «своих» и «чужих». Расизм — это мощный вид дискриминационной практики. Воспроизводство этнических предрассудков осуществляется посредством текстов, слов и коммуникации в целом. СМИ являются важнейшим звеном цепочки каждодневного воспроизводства расизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

расистский дискурс, гражданско-правовой дискурс, конструирование межэтнического конфликта, воспроизводство расизма, конструирование образов «своих» и «чужих», мажоритарная группа, миноритарная группа, репрессивные языковые конструкции

Kugay A. I., Kovaleva A. M.

Racist Discourse of Electronic Mass Media as Factor of Designing of the Interethnic Conflicts

Kugay Alexander Ivanovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of History and Political Science
Doctor of Science (Philosophy), Professor
kugay3@yandex.ru

Kovaleva Anastasia Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Graduate Student of the Chair of History and Political Science

aska.kova@mail.ru

ABSTRACT

This article focuses on the question of media participation in the racism reproduction process and discourse analysis some practices of interethnic conflict construction implemented by media. Interethnic conflicts can be represented as constructs and media plays a significant role in creation of them. There are two competitive models of interethnic conflicts interpretation in Russian media; the first officially denies ethnic background of conflicts (this situation is characteristically for state media) and the second expresses opposite opinion that each conflict will be interethnic if members of ethnic minorities participate in conflict. However, this point of view is not always right. There is trend in domestic editions to escalate interethnic tension. It is a problem that publications accentuate public attention on ethnicity of conflict participants in hypertrophied form.

At the same time media ignores events are not connected with crimes which committed by ethnic minorities. There is a fixation on negative accidents. It promotes stereotypes emergence and fixation and minority groups perception using racism discourse with stigmatization, social expulsion and so on. In Russian media everyday rhetoric, we can find terminology, which usually refers to racism discourse but seldom to civil law discourse. Study of the fundamental direction of prints and electronic media demonstrates a discursive construction of precise «own» and «stranger» images. Racism discourse can be a powerful kind of discriminating practice. Reproduction of ethnic pre-conceptions is implemented by texts, words and communication overall. Media is a paramount chain link, which participates in everyday racism reproduction.

KEYWORDS

racism discourse, civil law discourse, construction of interethnic conflict, reproduction of racism, construction of «own» and «stranger» images, majority group, minority group, repressive language constructions

В настоящее время сложилась ситуация, когда со стороны государства исходят попытки сглаживания межнациональных противоречий и предупреждения возникновения межэтнических конфликтов. Однако, в связи с тем, что мигрантов становится больше, все труднее держать ситуацию под контролем, особенно если учесть, что расистский дискурс является определяющим в риторике местных и электронных масс-медиа, а позиция федеральных СМИ носит, скорее, формальный характер, поскольку сводится к тому, что основа происходящих конфликтов не связана с этническими меньшинствами.

В средствах массовой информации и даже в научных публикациях часто используются понятия «этническая преступность» и «этнические преступные группы». То есть, подразумевается, что криминальная активность отдельных лиц и коллективов непосредственно связана с их этнической принадлежностью. Примечательно, что преступная деятельность лиц и групп, относимых к этническому большинству — *мажоритарным группам*, за редким исключением не определяется как «этническая». В основном это касается этнического меньшинства — так называемых *миноритарных групп*, а русская или «славянская» этничность к криминалу как бы не имеет никакого отношения. Суждения об «этнической преступности» логически ведут к оправданию и поощрению репрессивной практики и открывают «ворота» для неограниченного доминирования расистского дискурса.

В дискурсивном плане специфическая особенность России по сравнению со странами Запада обусловлена отсутствием гегемонии дискурса прав человека, которая установилась в либеральных демократиях в течение последней трети XX в. В современной России не сложился либеральный консенсус, характерный для стран Запада. На протяжении многих лет наша страна была изъята из европейского

общественно-политического контекста, поэтому россияне оказались не готовы к восприятию идей, возникших в этом контексте [3].

Политики, уже по статусу обладающие первостепенным доступом к коммуникативным ресурсам и обширными возможностями трансляции своей позиции, регулярно участвуют в *косвенном* воспроизводстве расизма. Чиновники путем подмены понятий могут приводить не вполне корректную информацию о размерах «этнической преступности». Замена слова «приезжий» словом «мигрант» вызывает определенные шаблонные ассоциации, индуцированные средствами массовой информации: если в масс-медиа говорят «мигрант», то в большинстве случаев люди подумают о гражданах стран Средней Азии или республик Кавказа, а уже в последнюю очередь о тех, кто приехал в Россию, скажем, из Беларуси или Украины. При этом зачастую подача информации осуществляется с использованием этнически окрашенных слов и выражений — допустим, вместо описания личности субъекта, виновного в совершении правонарушения, с помощью безличного слова «преступник» или «правонарушитель» (эти слова относятся к гражданско-правовому дискурсу), СМИ выбирает менее объективные выражения, подчас грубые — это характерно большей частью для электронных СМИ — такие как «выходец из средней Азии» или даже «лицо неславянской внешности»! Таким образом, СМИ становятся важнейшим звеном цепочки воспроизводства расизма. В результате получается, что большую часть преступлений, к примеру, в Москве, совершают мигранты, хотя на самом деле их доля в целом по стране не превышает 3–4%, в столице — около 18%. В средствах же массовой информации часто фигурируют гораздо более внушительные цифры [2, с. 130].

Можно сделать вывод, что в современной России проблема заключается не только в артикуляции расистских предрассудков, но и в *расиализации общественных отношений*. Хотят отправители подобных высказываний или нет, они объективно способствуют видению социального взаимодействия через призму расизма и наделению «расовым» смыслом отношений, изначально не имеющих такого смысла.

Насущные проблемы мигрантов — потеря работы, низкая заработная плата, отсутствие достойного жилья, дискриминация и т. д., — оказываются на заднем плане, поскольку внимание фокусируется на их культурных — в том числе и религиозных — отличиях от местного населения. Эта сознательная сепарация служит эффективным инструментом углубления межнационального антагонизма с учетом того, что фиксируются *негативные* стороны представителей меньшинств. Вместо того чтобы сформировать положительный образ меньшинства, построенный на выявлении «нашего» и «их» сходства с целью наметить возможные точки соприкосновения и сконструировать гармоничный паттерн отношений, местные масс-медиа и электронные издания часто категорически подчеркивают «инаковость» миноритарных групп, возмущаясь «их» нежеланием интегрироваться в наше общество; происходит негативная репрезентация. Разумеется, не без причин и не на пустом месте, но факт остается фактом. Первопричина конфликтов кроется не только в поведении/субъективном восприятии поведения нелегальных и легальных мигрантов, но и в политике государства в целом.

Многие базовые убеждения, репрезентирующие ментальные модели этнических событий или, в целом, разделяемые социальные репрезентации этнических групп и отношений инкорпорированы в богатую систему смыслов. На первый план, как правило, выдвигается положительная информация о «нас» («своих») или негативная информация о «них» («чужих») [1, с. 137]. Расизм как идеология социальной эксклюзии и инклюзии может быть либо сравнительно последовательной, либо бесвязной и нелогичной аккумуляцией клише, образов, атрибуций и аргументов [5, р. 180]. Отправная точка дискурсивно-аналитического подхода к комплексному

изучению расизма как феномена — это понимание того, что расизм как социальная практика и идеология проявляется *непоследовательно*. С одной стороны, расистские взгляды и убеждения производятся и воспроизводятся с помощью дискурса. С другой стороны, через дискурс дискриминационные практики социальной эксклюзии обнаруживаются и узакониваются [4, р. 1].

Несмотря на внешнее, *кажущееся* уважение к этносам, попытки внедрения политики толерантности, создание тематических передач, фильмов, проведение культурно-досуговых мероприятий, призванных сблизить коренное население с меньшинственными группами, на этом *квазиположительном* фоне существует нечто совсем противоположное — по-бодлеровски процветающий расистский дискурс. Данная дихотомия — своеобразное фарисейство — порождает двусмысленность трактовки социальной реальности и вызывает здоровое сомнение в качестве подаваемой населению информации и в том, служит ли она лоббированию интересов определенных лиц или группировок, является ли в высшей степени точной и правдивой. Электронные СМИ затрудняют демаркацию между правдивой и откорректированной в чьих-либо интересах информацией; пресса полна зачастую противоречивых данных.

Освещение элитарного расизма редко встречается в прессе, хотя оно могло бы дать сбалансированный взгляд на «темную» сторону общества. Вместо этого в европейских газетах очень популярны такие темы, как народное недовольство мигрантами, случаи дискриминации, радикальные расистские партии и т. д. На фоне сложившейся проблемной ситуации, связанной с эскалацией межнациональных и межэтнических противоречий, все ярче выделяется риторика *апологии расизма*. Это хорошо видно на примере восприятия европейскими государствами нынешней обстановки на Украине — широкий спектр взглядов варьируется от неприятия до поддержки установившегося режима (что непосредственно затрагивает и Россию в виде многочисленных санкций и различных угрожающих сентенций).

Что касается самых разных социальных противоречий в России — от бытовых до криминальных конфликтов, — они описываются как «межнациональные» в терминах расистского дискурса в том случае, если их участниками оказываются люди с *разной этнической принадлежностью*. Показательным примером, подтверждающим это утверждение, является конфликт, произошедший в Карелии — в Кондопоге, в 2006 г. Тогда разыгралась массовая драка, переросшая в погромы, закончившаяся гибелью двух человек. Фактически это был конфликт между преступной группировкой с Северного Кавказа и местными бандитами, однако в СМИ конфликт был описан в терминах расистского дискурса.

Большинство жителей России не являются прямыми свидетелями межэтнических конфронтаций, поэтому для формирования своей мировоззренческой позиции ориентируются на информацию, предоставляемую им масс-медиа, являющимися одними из самых влиятельных агентов конструирования социальной реальности. Граждане постоянно обращаются к телевидению или газетам как к *авторитетному источнику* знаний или мнений об этнических меньшинствах. При низком уровне критичности оценки воспринимаемой информации точка зрения коммуниканта легко поддается лингвистическому программированию или корректировке с помощью определенной лексики и синтаксиса, а также репрессивных языковых конструкций, призванных подавлять идентичность меньшинств, принижать их, выставляя в наиболее выгодном свете заинтересованную сторону. В прозападной и западной прессе можно встретить множество примеров подобных конструкций. Строго говоря, конструирование образов «своих» и «чужих», а также образа внутреннего врага — распространенные политические технологии, остающиеся эффективными и по сей день; они служат, в частности, для отвлечения внимания населения от других, более серьезных проблем.

В электронном издании «Голос Америки» в статье, посвященной обзору недавних прошедших выборов в Донбассе и Луганске, встречаются резкие и агрессивные

выражения, характеризующие жителей этих республик — их именуют «вооруженными пророссийскими сепаратистами», сами республики называют «сепаратистскими анклавами»¹, а выборы — «фарсом»: «Лидер Украины отметил, что официальный Киев и весь цивилизованный мир не признают этого фарса»². Подобные заявления подтверждают, что, действительно, производится четкое конструирование образов «своих» и «чужих». В европейских странах, как и в России, новостные сообщения воспроизводят доминирующие этнические предрассудки, используют экспрессивные, негативно окрашенные слова и выражения, относящиеся к расистскому дискурсу.

Рассмотрим в качестве примера конфликт в Нурлате (республика Татарстан) в 2013 г., где произошли, по утверждению прессы, «массовые столкновения местных жителей с приезжими кавказцами»³, по завершении которых было задержано более 30 чел. Заголовки статей, расположенных на новостных сайтах, ясно дают понять, что конфликт воспринимается в СМИ не иначе как межэтнический, хотя руководитель общественной организации «Объединение народов Дагестана г. Казани „Дагестан“» утверждает, что «никакой национальной подоплеку конфликта нет, напряжение возникает из-за нагнетания в СМИ национальной темы»⁴.

Проанализировав несколько статей по данному конфликту, можно построить таблицу.

На основе приведенной таблицы, демонстрирующей количество упоминаний определенных слов и словосочетаний, встречающихся в рассмотренных статьях, построим гистограмму (рисунок).

Как содержание публикаций, так и заголовки и подзаголовки статей говорят сами за себя, акцентируя внимание на этнических различиях, что является проявлением расистского дискурса и способствует углублению уже существующих межэтнических противоречий: «Полиция Татарстана пресекла массовую драку местных жителей и кавказцев»⁵, «В татарстанском городе Нурлате произошла массовая драка местных жителей с выходцами с Кавказа»⁶. Другие заголовки настойчиво и безапелляционно утверждают, что конфликт является *именно* межэтническим, что это было не просто столкновение двух групп агрессивно настроенных молодых людей, возможно, находившихся в состоянии алкогольного опьянения: «В Татарстане вспыхнул новый межэтнический конфликт»⁷, «Прокуратура проводит проверку по факту межэтнического конфликта в Нурлате». Некоторые заголовки выражают сомнение в том, был

¹ См.: «Голосование раздора» на востоке Украины [Электронный ресурс] // Голос Америки. 2014. 3 ноября. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/galperovich-golosovanie-razdora-na-vostoke-ukrainy/2506648.html> (дата обращения: 06.11.2014).

² См.: Киев призвал мировое сообщество и Россию не признавать «выборов» на оккупированных сепаратистами территориях [Электронный ресурс] // Голос Америки. 2014. 2 ноября. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/elections-dnr-statement-president/2505296.html> (дата обращения: 06.11.2014).

³ См.: В Нурлате межэтнический конфликт перерос в массовые беспорядки [Электронный ресурс] // Свободная трибуна. 2013. 31 июля. URL: <http://old.triboona.ru/news/id/2914> (дата обращения: 08.11.2014).

⁴ См.: Глава дагестанской диаспоры о событиях в Нурлате: «Национальной подоплеку конфликта нет» [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2013. 6 августа. URL: <http://www.kazan.aif.ru/society/details/86966> (дата обращения: 07.11.14).

⁵ См.: Полиция Татарстана пресекла массовую драку местных жителей и кавказцев [Электронный ресурс] // Накануне. 2013. 1 августа. URL: <http://www.nakanune.ru/news/2013/8/1/22318261> (дата обращения: 07.11.14).

⁶ См.: Пугачевщина охватила Татарстан [Электронный ресурс] // Русская планета. 2013. 31 июля. URL: http://rusplt.ru/society/nurlat_draka.html (дата обращения: 07.11.14).

⁷ См.: В Татарстане вспыхнул новый межэтнический конфликт [Электронный ресурс] // Четвертая власть. 2013. 1 августа. URL: <http://www.4vsar.ru/news/39041.html> (дата обращения: 05.11.14).

Дискурс национализма

Слова и словосочетания, относящиеся к расистскому дискурсу, кол-во		Нейтрально окрашенные слова, кол-во		Слова и словосочетания, относящиеся к гражданско-правовому дискурсу, кол-во	
Приезжие, кавказцы/кавказцы/кавказский	11	Молодые люди	7	Потерпевшие	1
Приезжие	4				
Азербайджанец/азербайджанский/Азербайджан	5				
Коренное население/местное население	1				
Татары	3				
Русские	3				
Дагестанцы	5				
Уроженцы Дагестана/Азербайджана	1				
Чеченец	2				
Мигрант	4				
Таджик	1				
Местные жители/местные	15				
Уроженец Кавказа/выходец с Кавказа	4				

межэтнический конфликт или нет: «Был ли в Нурлате межэтнический конфликт?»¹, «Станет ли Нурлат вторым Пугачевым?»². Официальная версия по обыкновению расходитсся с версией местных и электронных масс-медиа.

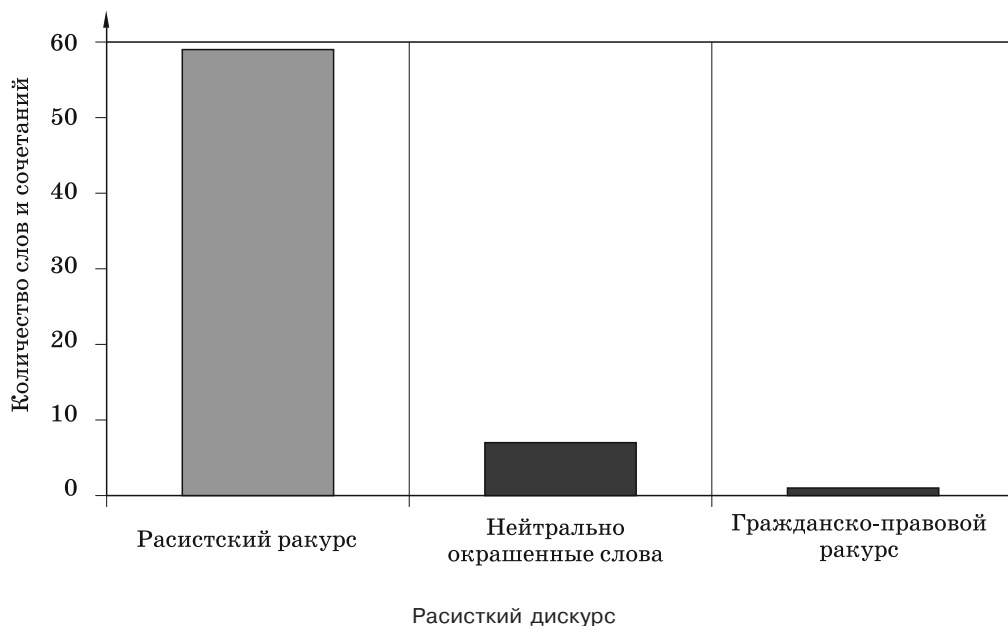
Для формирования общей этнополитической идентичности и сглаживания межнациональных и межэтнических противоречий, в частности, необходим контроль за средствами массовой информации, если, конечно, участвуя в воспроизводстве расизма, они не отстаивают интересы элиты, политических группировок, иных политических объединений и заинтересованных лиц. Впрочем, мы живем в демократическом обществе и имеем право на получение полной и достоверной информации о событиях, происходящих в стране. Контроль над СМИ необходим лишь в той степени, что позволит отделять зерна от плевел, чтобы обеспечить адекватное отображение социальной реальности в средствах массовой информации, поскольку целенаправленное или случайное искажение данных приводит к обострению межэтнических противоречий — подобное и происходит повсеместно.

Отрицание расизма, как и формы положительной саморепрезентации, имеют два измерения: индивидуальное и групповое (социальное)³. Риторика официальных

¹ См.: Был ли в Нурлате межэтнический конфликт? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2013. 6 августа. URL: <http://www.kazan.aif.ru/incidents/details/86974> (дата обращения: 05.11.14).

² См.: Станет ли Нурлат вторым Пугачевым [Электронный ресурс] // Третья мировая война. Военно-политическое обозрение. URL: <http://politobzor.net/show-3097-stanet-li-nurlat-vtorym-pugachevym.html> (дата обращения: 07.11.14).

³ Van Dijk T. A. Discourse and the denial of racism [Electronic resource]. URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/Discourse%20and%20racism.pdf> (дата обращения: 09.11.14).

федеральных СМИ часто сводится к отрицанию/сомнению в межэтнической подоплеке определенных событий/конфликтов; просто происходят драки/столкновения между гражданами, находящимися в состоянии алкогольного/наркотического опьянения или по иным причинам, не связанным с этническими меньшинствами; они пытаются таким образом избежать обострения уже имеющихся противоречий. Местные СМИ и электронные издания транслируют диаметрально противоположную позицию, которая состоит в том, что фактически любой конфликт, где сторонами являются представители этнических меньшинств, является, соответственно, межэтническим. Следует заметить, что не каждый подобный конфликт можно считать таковым.

Таким образом, межэтнический конфликт конструируется так же, как и другие составные части социального бытия, и знания, реакции и действия отдельных людей и социальных групп по поводу подобных конфликтов являются непосредственным результатом воздействия медийных практик социального конструирования. В создании межэтнического конфликта как конструкта значительную роль играют средства массовой информации. СМИ, воздействуя на общественное сознание посредством использования расистского дискурса, могут не только послужить инструментом сглаживания межнациональных и межэтнических противоречий, но и вызывать открытые конфликты и разжигать их *намеренно* в интересах отдельных личностей, политических объединений, групп интересов, этнических лобби, либо провоцировать их ненамеренно ввиду некомпетентности или иных причин.

Литература

1. Кугай А. И. Пространство репрессивной логократии // Управленческое консультирование. 2013. № 1. С. 132–137.
2. Малахов В. С. Расовый образ мыслей после расизма: случай России на общеевропейском фоне / В. С. Малахов // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... М. : Новое литературное обозрение, 2013. С. 115–138.
3. Осипов А. Расизм в языке социальных наук / А. Осипов // Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс. СПб. : Алетейя, 2002. С. 45–68.

4. Wodak R. *Discourse and Discrimination. Rhetorics of racism and antisemitism* / R. Wodak. M. : Reisigl. Taylor&Francis. 2000. 312 p.
5. Wodak R. *Discourse and Racism: European Perspectives* / R. Wodak, M. : Reisigl Annual Review of Anthropology. 1999. Vol. 28. P. 175–199.

References

1. Kugai A. I. *Space of a Repressive logocracy* [Prostranstvo repressivnoi logokratii Administrative consultation [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. № 1. P. 132–137.
2. Malakhov V. S. *Racial views after racism: a case of Russia on the all-European background* [Rasovy obraz myslei posle razizma: sluchai Rossii na obshcheevropeiskom fone] V. S. Malakhov. Racism, xenophobia, discrimination. How we saw them ...[Rasizm, ksenofobiya, diskriminatsiya. Kakimi my ikh uvideli...] M. : New literary review [Novoe literaturnoe obozrenie], 2013. P. 115–138.
3. Osipov A. *Racism in language of social sciences* [Rasizm v yazyke sotsial'nykh nauk] / A. Osipov Constructing of the ethnic conflict and a racist discourse [Konstruirovanie etnicheskogo konflikta i rasistskii diskurs]. SPb. : Aletheia, 2002. P. 45–68.
4. Wodak R. *Discourse and Discrimination. Rhetorics of racism and antisemitism* R. Wodak, M. Reisigl. Taylor&Francis. 2000. 312 p.
5. Wodak R. *Discourse and Racism: European Perspectives* / R. Wodak, M. Reisigl Annual Review of Anthropology. 1999. Vol. 28. P. 175–199.